

Внешняя политика Северной Македонии и региональная безопасность на Балканах: проблемы и перспективы

Смирнов П. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; ps.mir.nov@ya.ru

РЕФЕРАТ

В статье акцентируется внимание на выявлении факторов, которые повлияли на внешнеполитический курс македонского государства. В первые годы после распада СФРЮ большинство появившихся стран, включая Македонию, четко определили вектор своего развития в сторону НАТО и ЕС, так как затяжная война на Балканах требовала от каждой республики скорейшего вхождения «под крыло» крупной международной организации. На пути к вступлению Северной Македонии в ЕС и НАТО возникли препятствия в виде спорных вопросов во взаимоотношениях с соседями. Таким образом, внешняя политика македонского государства была призвана разрешить противоречия с соседями, учитывая общерегиональный контекст. Урегулирование внутрибалканских проблем после 1999 г. способствовало некоторой стабилизации обстановки в регионе.

Достижение безопасности на Балканах было и продолжает быть неразрывно связано с необходимостью вступления государств региона в НАТО, под эгидой которого возможно создать систему коллективной безопасности. Тем более, что перед регионом встают новые проблемы и вызовы, заключающиеся в экспорте экстремизма из Ближнего Востока и социально-экономической нестабильности, вызванной притоком беженцев из Сирии.

Ключевые слова: Балканы, региональная безопасность, Североатлантический альянс, Европейский союз, Северная Македония

Для цитирования: *Смирнов П. А.* Внешняя политика Северной Македонии и региональная безопасность на Балканах: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 108–117.

Foreign Policy of North Macedonia and Regional Security in the Balkans: Problems and Prospects

Peter A. Smirnov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; ps.mir.nov@ya.ru

ABSTRACT

The article focuses on identifying factors that influenced the foreign policy of the Macedonian state. In the first years after the collapse of the socialistic Yugoslavia, most of the emerging countries, including Macedonia, defined their development direction towards NATO and the EU, since the war in the Balkans required each republic to enter as soon as possible under the wing of a large international organization. On the way to the entry of North Macedonia into the EU and NATO, obstacles arose in the form of controversial issues in relations with neighbors. Thus, the foreign policy of the Macedonian state was designed to resolve conflicts with its neighbors, given the regional context. The settlement of local Balkan problems after 1999 contributed to some stabilization of the situation in the region. Achieving security in the Balkans has been and continues to be inextricably linked with the need for the region to join NATO, under whose auspices it is possible to create a collective security system. Moreover, the region faces new problems and challenges in the export of extremism from the Middle East and the socio-economic instability caused by the influx of refugees from Syria.

Введение

Безопасность Балканского региона, в котором геополитическая обстановка постепенно меняется в сторону стабилизации и консолидации, напрямую зависит от интеграции государств региона в евроатлантические организации. Однако данный процесс сопряжен с разрешением ряда вопросов и демонстрирует проблемы, требующие разрешения внешнеполитическими средствами каждого государства региона, в том числе Македонской Республики.

В отечественной политической науке «македонский вопрос», как правило, рассматривается в контексте более крупных процессов в регионе и зачастую находится в тени косовской проблемы. Среди отечественных исследований пост-югославского этапа македонского государства нужно выделить работы Е. А. Колоскова, А. А. Язьковой, Е. Ю. Гуськовой. Зарубежных исследований по данной тематике проведено в разы больше; нужно отметить работы Йована Донева, Йована Ананьева, Евангелоса Кофоса, которые использовались при написании данной статьи.

Методологической основой статьи послужила системная теория, согласно которой непредвзято оцениваются перспективы достижения региональной безопасности с учетом социально-политического контекста, всей совокупности и сложности проблем социально-политического характера. Международные отношения в Балканском регионе представлены как комплексное взаимодействие различных акторов — местных республик и наднациональных структур. Еще одним методом, использованным в ходе исследования, является ивент-анализ, дающий возможность прогнозировать развитие событий в регионе на основе происходящих процессов.

Цель статьи — определить основные факторы, влияющие на внешнеполитический курс Республики Северной Македонии в контексте общерегиональных процессов; выявить основные угрозы региональной безопасности и ее перспективы.

Эволюция внешней политики македонского государства

С момента объявления независимости в сентябре 1991 г. македонское государство стремилось последовательно воплощать в своей внешней политике одну из главных идей, господствовавших на всем постсоциалистическом пространстве Восточной Европы, — идею интеграции в Европейский союз и НАТО [4, с. 20]. Несмотря на бескровный характер отделения от Югославии (в отличие от остальных бывших республик СФРЮ), молодая республика столкнулась с теми же трудностями, что и соседи, а именно — с неуправляемым процессом «балканизации», который заключается в непрерывном дроблении государств на основании этнических противоречий. Данный процесс дестабилизировал обстановку в регионе на долгие годы и так и не завершился по сей день. Таким образом, внешнеполитический вектор македонского государства должен был строиться в соответствии с общерегиональным контекстом и быть неразрывно связан с обеспечением безопасности в Балканском регионе. Стремление войти в ЕС и НАТО в условиях общеполитического кризиса обусловило определенные политические шаги македонского руководства в период 1991–2021 гг. и выявило ряд проблем, а также возможностей дальнейшего развития внешней политики бывшей югославской республики.

Говоря о внешней политике македонского государства, можно выделить несколько периодов:

I — 1991–1995 гг.;

II — 1995–1999 гг.;

III — 1999–2005 гг.;

IV — 2005–2018 гг.;

V — 2018 г. — сегодняшний день.

Итак, в сентябре 1991 г. Социалистическая Республика Македония объявила о своей независимости и начала искать признания со стороны как ведущих наднациональных организаций (ООН, НАТО), так и со стороны соседних государств и влиятельных акторов (США, РФ). Первым государством, признавшим македонскую республику под ее конституционным названием («Республика Македония»), стала Болгария, хотя у двух государств имелся неразрешенный спор о статусе македонского языка. Тем не менее с определенными оговорками [11, р. 305] болгарское правительство признало независимость соседа. Далее последовало признание со стороны Турции, РФ, Словении. Македонское правительство направило запрос на вступление в ЕС, НАТО и ООН, одновременно с этим протест против названия нового государства выразила Греция. Существование административной области Македония в составе Греции, которая, как и бывшая югославская республика, частично находится на территории исторической области Македония, послужило основанием для обвинений македонского государства в ирредентизме и угрозе территориальной целостности Греции. В результате этого многие государства, устанавливая отношения с новой республикой, были вынуждены принимать во внимание позицию Греции. В свою очередь, греческая сторона, являясь членом НАТО и ЕС, использовала право вето на вступление соседнего государства в данные организации; открывшийся спор о названии республики повлиял и на позицию ООН, которая приняла македонскую республику под компромиссным названием БЮРМ (Бывшая Югославская Республика Македония). Под этим наименованием республику и признало большинство мировых государств. Македонская внешняя политика в данный период была направлена на получение признания мировым сообществом и установление контактов с ведущими державами; эти цели были достигнуты, но совершенно не так, как планировалось, из-за спора с Грецией. В результате урегулирование (или смягчение) противоречий с греческой стороной стало второй задачей македонской республики в указанный период. Немаловажен и тот факт, что, используя греко-македонский спор во внутривнутриполитической борьбе, политики обоих государств долгое время декларировали бескомпромиссность в данном вопросе. Обострением противоречий стало экономическое эмбарго, объявленное Грецией в отношении БЮРМ в 1994 г., что стало болезненным для экономики молодой республики. В данных условиях посредничество ООН в разрешении спорного вопроса совпадало с намерениями македонской стороны, и осенью 1995 г. между Афинами и Скопье было заключено так называемое Временное соглашение, по которому бывшая югославская республика обязывалась изъять из своей государственной символики все спорные атрибуты, так или иначе связанные с греческой государственностью и историей, и внести изменения в свою конституцию. В свою очередь, Греция снимала эмбарго и обязывалась не препятствовать вступлению своего северного соседа в НАТО и Европейский союз. Свообразным закреплением данного соглашения стало присоединение македонской республики к программе НАТО «Партнерство ради мира», что обеспечивало определенные гарантии македонской стороне в свете сохраняющейся на Балканах нестабильности.

Говорить о региональной безопасности в данный период не приходится, так как самый кризисный период после распада СФРЮ пришелся именно на эти годы, когда разгорелись сербо-хорватская война и война в Боснии. Нужно отметить невозможность создания какой-либо общерегиональной модели стабилизации в си-

лу выраженной антиамериканской и антинаатовской позиции сербского руководства; напротив, Хорватия, Словения и македонская республика были готовы к интеграции в НАТО. Иными словами, достижение стабилизации в регионе было возможно лишь при условии изменения позиции Сербии и прекращения боевых действий. Помимо боевых действий существовали и экономические трудности, связанные с греческим эмбарго против БЮРМ.

Охарактеризовать первый период македонской внешней политики можно несколькими тезисами: поиск признания, далее — постановка острых вопросов, далее — принятие компромиссов. Видится уместным ограничить первый период присоединением Скопье к программе «Партнерство ради мира», так как это являлось успехом внешней политики молодого государства и утверждало ее евроатлантический вектор.

Второй этап отмечен стабилизацией внешнеполитического положения македонского государства, чему способствовало завершение боснийского конфликта и относительно мирное положение балканского региона. Включение в программу «Партнерство ради мира» давало возможность теснее взаимодействовать с НАТО в вопросах обороны (повышение боеспособности македонской армии и консультации специалистов Североатлантического альянса) и некоторые гарантии в случае нарушения стабильности на Балканах. Момент, когда помощь НАТО потребовалась, наступил в результате внешнеполитического шага македонской республики, который можно назвать спорным. Речь идет о дипломатическом признании Тайваня. Разумеется, данный шаг был продиктован экономическими соображениями и перспективой тайванских инвестиций в македонскую экономику [5, с. 157], но оборотной его стороной стала непродолжительная конфронтация с Китаем (вплоть до разрыва дипломатических отношений), который не признает независимость Тайваня.

Реакция Китая на тайванскую авантюру македонского правительства последовала незамедлительно и была болезненной для бывшей югославской республики: как постоянный член Совета Безопасности ООН Китай наложил вето на продление мандата Сил превентивного развития ООН, располагавшихся на македонской территории с 1995 г. для контроля албано-македонской границы, оставив тем самым молодое государство в незащищенном положении в случае дестабилизации в соседней Албании. В этих условиях македонское руководство добилось введения сил НАТО на территорию республики, что было выгодно в том числе и собственно Североатлантическому альянсу: готовясь к операции против СРЮ, НАТО нуждалось в плацдарме, которым стала македонская республика. В свою очередь, молодое государство оказалось готово к хлынувшей в том же 1999 г. волне албанских беженцев из Косово и надежно защищено от переноса боевых действий на свою территорию. Так НАТО закрепилось на македонской территории, а республика получила статус кандидата в Североатлантический альянс тогда же, в 1999 г.

Нужно отметить еще два события в македонской внешней политике, отчасти повлиявшие на стабилизацию положения республики. Первое — начало интенсивных контактов духовенства Сербской и Македонской православных церквей по вопросу признания автономии последней (показательно, что посредником в урегулировании данного вопроса выступило греческое духовенство [12, р. 283]), второе — подписание в 1999 г. совместной декларации македонского и болгарского премьер-министров о дружбе и добрососедском отношении. Эта декларация сняла напряженность в отношениях двух государств, связанную с правами болгарского меньшинства в Македонии.

Можно ли говорить о достижении региональной безопасности на Балканах в 1995–1999 гг.? Вряд ли, так как стабилизация положения в Хорватии и Боснии не гарантировала разрешения всех противоречий в регионе, примером чего стал обострившийся в 1998 г. косовский вопрос. Очередной виток албано-сербского конфликта

и последовавшая за этим операция НАТО против СРЮ продемонстрировали уязвимое положение региона и неспособность государств Балкан разрешить все противоречия без помощи извне. Завершение второго периода внешней политики македонской республики событиями, связанными с войной НАТО в Сербии, очень показательны: государства региона одобрили силовое урегулирование конфликта в СРЮ, чтобы наконец достичь стабилизации и интегрироваться в НАТО.

Характеризуя второй этап внешней политики БЮРМ, нужно подчеркнуть сближение с НАТО и некоторое вхождение в русло политики НАТО на Балканах (фактически в 1999 г. Скопье выступил против своего соседа — сербского государства), что было продиктовано соображениями безопасности. Результатом этого стало присутствие сил НАТО в республике и статус кандидата в Североатлантический альянс. Окончанием второго периода внешней политики македонского государства следует назвать получение данного статуса, открывшего перспективы скорой интеграции республики в НАТО.

Третий этап внешней политики в целом продолжил развитие наработанных контактов как в экономическом, так и военно-стратегическом аспекте. Наиболее примечательным и даже можно сказать судьбоносным событием во внешней политике македонской республики стал конфликт с албанскими сепаратистами, произошедший на северо-западе страны летом 2001 г. Выступление так называемой АНО (армии национального освобождения), состоящей из террористов албанского происхождения, против македонской полиции и армии было достаточно успешным и грозило в буквальном смысле распадом македонского государства. Однако урегулированием конфликта своевременно занялись евроатлантические структуры, способствовавшие заключению Охридского соглашения. Добытые албанским меньшинством уступки, отраженные в Конституции республики, многими воспринимались как путь к федерализации и децентрализации государства, а контроль со стороны ЕС и НАТО при заключении соглашения — как превращение македонской республики в международный протекторат [3]. Данный процесс можно трактовать иначе: активное участие ЕС и НАТО в урегулировании конфликта свидетельствует о заинтересованности евроатлантических структур в стабилизации обстановки на Балканах и о партнерских отношениях с македонской республикой, которая планомерно двигалась в направлении членства в данных организациях. Показательна поддержка евроатлантических организаций балканскими государствами в ходе урегулирования конфликта: свои контингенты в миссию НАТО направила Греция, а по завершении операции Североатлантического альянса на македонской территории в 2003 г. и начале аналогичной миссии ЕС силовую поддержку направили Болгария, Турция и Румыния [8, р. 78].

Приближение членства в НАТО отмечено еще одним важным событием для македонской внешней политики в указанный период — присоединением к Адриатической хартии в 2003 г., куда помимо македонского государства вошли Албания, Хорватия и США. Включение в «балканский зонтик» НАТО свидетельствовало о скором достижении одной из главных целей македонской политики — членства в НАТО. Закономерным было и признание год спустя македонской республики под ее конституционным названием Соединенными Штатами. В 2005 г. Скопье наконец получил статус кандидата в ЕС, продолжая начатые в 2000 г. реформы в соответствии с критериями Европейского союза. Движение в сторону ЕС и НАТО было задержано, когда вновь на повестке дня возник вопрос об именовании государства.

В общерегиональном контексте данный период отмечен созданием первой региональной организации (правда, при участии США) — Адриатической хартии — и достижением некоторой политической однородности государств региона, что стало отражением процессов стабилизации, начатых на рубеже 1990–2000-х гг. Разумеется, полностью однородным политическое пространство Балкан не стало: передовая во всех отношениях Словения уже в 2004 г. вошла в ЕС и НАТО. Стоит подчеркнуть,

что в этот период кандидатами на вступление в 2004 и 2005 гг. стали Хорватия и македонская республика, соответственно. Однако спорадические проявления нестабильности, выразившиеся в албано-македонском конфликте в 2001 г., пока еще не позволяют говорить о достижении региональной безопасности.

Третий этап македонской внешней политики условно ограничивается 1999–2005 гг., нижней границей уместно считать получение статуса кандидата в ЕС. Данный период отмечен первым серьезным межэтническим столкновением, характеризующим процесс «балканизации», и ориентацией Скопье на еще более тесное сотрудничество с НАТО. Наряду с этим было подписано соглашение об ассоциации с ЕС, повысившее шансы Македонской Республики на вступление в Европейский союз. Однако по-прежнему оставался нерешенным главный вопрос — об именовании государства, и сохранялась высокая вероятность применения греческой стороной права вето на вступление македонского государства в ЕС и НАТО. Эту задачу и должен был решить новый президент.

Четвертый этап македонской внешней политики был самым длительным и самым успешным, так как в 2005–2018 гг. решались главные задачи македонского государства. После категорических заявлений греческой стороны о неприятии конституционного названия соседней республики [7] в разрешение вопроса о названии пришлось включиться ООН в лице специального посредника М. Нимица. Его работа продолжалась более 10 лет и зачастую осложнялась бескомпромиссным поведением как греческой, так и македонской стороны. Влияние на процесс урегулирования спора о названии оказывала и внутривнутриполитическая обстановка в стране: приход к власти консервативных партий оборачивался антигреческой националистической риторикой и блокировал дальнейшие возможности переговоров. Тем не менее к 2008 г., когда состоялся 20-й саммит НАТО в Бухаресте, Македонская республика была готова к вступлению в Североатлантический альянс, и правительство даже получило поддержку от партий. Держась в русле политики НАТО на Балканах, македонское государство признало осенью 2008 г. независимость Косово, вскоре став одним из его основных внешнеэкономических партнеров [10, р. 7]. Однако вступление в НАТО вновь не состоялось из-за наложенного Грецией вето, и есть все основания полагать, что данный сценарий не устроил и само руководство Североатлантического альянса, рассчитывавшее закрепиться в Западных Балканах, приняв одновременно Загреб, Тирану и Скопье (показательно мнение некоторых конгрессменов США, прямо заявивших о том, что непринятие македонской стороны в НАТО подрывает интересы американского государства в регионе [9]). Как бы то ни было, македонскому руководству было необходимо окончательно решить вопрос о названии, и в его решении оказались также заинтересованы и крупные акторы — ООН и НАТО. В данный период контакты с Грецией становятся год от года эффективнее, при этом активизируется и северо-восточное направление внешней политики, о чем свидетельствует ряд договоров военного и экономического характера, заключенных с РФ, а также упрощение культурных связей с Турцией.

Непопадание македонской республики в НАТО заставило, пусть и с некоторым запозданием, руководство государства взаимодействовать с другими центрами силы (локальными и глобальными) на случай изменения долгосрочной стратегии. Так, оживление контактов с Россией свидетельствует о возможной ориентации в сторону от НАТО; взаимодействие с Турцией носит очевидный антигреческий характер. В политике такого рода Скопье проявил определенную твердость, не присоединившись к санкциям против РФ после присоединения Крыма в 2014 г. и выразив поддержку планов по созданию «Турецкого потока», реализация которых намечалась на 2015 г. Однако развитие войны в Сирии, ставшее угрожающим для Европы в целом и для Балкан в частности, вынудило как македонскую, так и греческую стороны искать пути для компромисса для скорейшей интеграции македонского государства в НАТО.

С 2016 г. начинается период тесных контактов с Грецией по вопросу переименования македонского государства и отмечается готовность обеих сторон к поиску наиболее компромиссного варианта названия балканского государства. Фоном этому послужили волнения в Скопье в 2015–2016 гг., направленные против консервативно-националистической партии ВМРО-ДПМНЕ, которая не разделяла идеи евроинтеграции в своей риторике.

Логичным завершением греко-македонского спора и четвертого этапа македонской внешней политики стало Финальное (Преспанское) соглашение, подписанное премьер-министрами Греции и македонской республики в июне 2018 г. Согласно этому документу, БЮРМ меняла свое конституционное название на Республику Северную Македонию. Примечателен факт, что это название предлагалось немецкими дипломатами еще в 1994 г., но в силу определенных причин не было рассмотрено [2, с. 83]. Документ был вскоре ратифицирован македонским и греческим парламентами.

Период 2005–2018 гг. в общебалканском контексте был наиболее насыщенным и завершил многие процессы, начатые еще в 1991 г. К этому можно отнести провозглашение косовскими албанцами в одностороннем порядке независимости Косово. Этот шаг, признанный далеко не всем мировым сообществом, логично завершил дезинтеграционные процессы на постюгославском пространстве, утолвив, если можно так сказать, сепаратистские аппетиты албаноязычных групп в Сербии. Ранее было зафиксировано разделение Союзного государства Сербии и Черногории; Хорватия, Черногория и Албания вступили в НАТО, в 2013 г. Хорватия вступила в ЕС, а статус кандидата получили Сербия, Черногория и Албания. Только Босния с некоторым запозданием входит в интеграционные процессы ввиду тяжелой экономической ситуации в государстве (сохранившейся еще с социалистических времен), и частично признанное Косово — по объяснимым причинам. Можно отметить отсутствие крупных эпизодов дестабилизации; однако сохранялась напряженность в отношениях с албанским меньшинством как в македонской республике, так и в Сербии, и в Черногории, периодически выражавшаяся в вооруженных столкновениях с полицией государств.

Четвертый период внешней политики македонского государства был одним из наиболее драматичных и при этом наиболее успешным: была достигнута цель по вступлению в НАТО, при этом сохранились и даже несколько упрочились связи с Россией и Турцией, что обеспечило балканской республике своего рода подстраховку на случай непредвиденного развития событий в регионе. Интеграция Северной Македонии в НАТО в данный период оказалась нужна уже не только самой македонской республике, но и НАТО и Греции, что объясняет завершение спора о названии.

Пятый период македонской внешней политики пока представляется легко предсказуемым: в марте 2020 г. состоялось вступление Северной Македонии в Североатлантический альянс, после чего македонское государство продолжает выполнять реформы для соответствия критериям вступления в ЕС. Борьба партий на внутренней арене пока не имеет столь острого характера, как десятилетия ранее, и можно утверждать, что общество в целом позитивно настроено к евроатлантическим интеграционным процессам.

Проблемы региональной безопасности на Балканах заключались в этнических противоречиях различных групп, населяющих регион, и различных устремлениях политических элит, не все из которых были ориентированы на евроатлантическую интеграцию. По мере вовлечения большинства государств региона в процессы вступления в ЕС и НАТО можно говорить о достижении региональной безопасности.

Однако сохраняются определенные сложности. Первым вызовом для региональной безопасности на Балканах по-прежнему остается экстремизм отдельных албано-

язычных групп, поддерживающих контакты с ИГИЛ (организация запрещена в России). Компактно проживающие группы албанского населения в Северной Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Греции и Сербии вполне могут стать благоприятной средой для распространения идей «Великой Албании», сочетаемых с исламским радикализмом. Немаловажен и вопрос беженцев с Ближнего Востока, в частности, из Сирии. После заявления Турции в 2020 г. об открытии границ с Евросоюзом для беженцев [6] именно Балканы становятся заслоном, отделяющим поток сирийцев от попадания в Центральную и Западную Европу. Принимая во внимание тот факт, что радикальные исламские элементы зачастую проникают в европейский регион вместе с беженцами, задача сдержать этот поток встает перед балканскими государствами.

Также на сегодняшний день одной из главных угроз для региональной безопасности Балкан является пандемия COVID-19, вынуждающая государства региона консолидировать усилия по борьбе с распространением инфекции и коллективно искать возможности скорейшего осуществления вакцинации своих граждан. Здесь нельзя не отметить факт безвозмездной передачи Северной Македонии нескольких тысяч доз вакцины из Сербии и Болгарии¹.

Помимо этого, сохраняются внутрирегиональные противоречия, переходящие в активную фазу по мере приближения какого-либо государства региона к интеграции в ЕС или НАТО. В частности, болгарская сторона, несмотря на подписанный в 2017 г. Договор о дружбе, соседстве и кооперации с македонской республикой, выразила неприятие проводимой в Северной Македонии политики самоидентификации [1, с. 77]. Разрешение данного вопроса так же, как и в случае спора о названии, требует вмешательства и посредничества международных организаций, что в данный момент выражается в критике действий болгарских властей со стороны ЕС².

Говоря о перспективах региональной безопасности на Балканах, можно утверждать, что только интеграция всех государств региона в ЕС и НАТО сведет к минимуму возможную нестабильность, так же, как и совместное участие в общерегиональных экономических проектах. Одним из примером тому служит достигнутая в 2015 г. договоренность Греции, Сербии, Венгрии и Северной Македонии с Турцией по вопросу использования «Турецкого потока» после его запуска.

Выводы

Итак, анализ внешней политики Северной Македонии в контексте общерегиональных процессов привел нас к следующим выводам.

1. В первые годы после распада СФРЮ многие государства, включая македонское, четко определили вектор своего развития в сторону НАТО и ЕС. Затяжная война на Балканах требовала от каждой республики скорейшего вхождения «под крыло» НАТО, и говорить об общерегиональных процессах стабилизации не приходится.
2. В дальнейшем, по мере ослабления Сербии, свое присутствие на полуострове утверждало НАТО, что согласовывалось с интересами государств региона, включая Северную Македонию. Показателем этого служат урегулированные при международном участии противоречия македонской республики с Болгарией и Грецией.

¹ Стигна втората тура вакцини на „Фајзер“, се очекува одлука и за руската вакцина [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/3pocx> (дата обращения: 29.03.2021); Борисов: Ситуацијата е наистина тежка, винаги сме готови да помогнем на Северна Македонија // Novini.bg: Sportal Media Group. 2020.3.12 [Электронный ресурс]. URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/636406> (дата обращения: 29.03.2021).

² Кршење коџа во ЕП: Фајон бара Бугарија да го повлече ветото за С. Македонија [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/3r7Vs> (дата обращения: 29.03.2021).

3. Низвержение режима Милошевича фактически умиротворило обстановку в регионе и открыло возможности для создания региональных организаций, целью которых была интеграция в НАТО. Северная Македония получила статус кандидата в ЕС и воспользовалась помощью НАТО в решении конфликта с албанским меньшинством в 2001 г.
4. Утверждение интересов НАТО в регионе способствовало разрешению многолетнего спора о названии македонского государства и открыло Северной Македонии двери в Североатлантический альянс. Балканский регион близок к завершению консолидационных процессов и созданию системы коллективной безопасности под эгидой НАТО, тем более что перед регионом встают новые проблемы и вызовы, заключающиеся в экспорте экстремизма из Ближнего Востока и социально-экономической нестабильности, вызванной притоком беженцев из Сирии.

Литература

1. Головин Д. О., Склярлов С. А. Новый македонский вопрос: современный этап развития // Международная аналитика. 2020. № 11 (2). С. 68–90.
2. Гуськова Е. Ю. Первые шаги Македонии на пути к самостоятельности // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М. : Радуга. 1997. С. 81–92.
3. Донеv Й. Кризис в республике Македония — кризис институтов или системы? [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/5/krizis-v-respublike-makedoniya-krizis-institutov-ili-sistemy.html> (дата обращения: 29.03.2021).
4. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред. А. А. Язьковой. М. : Весь мир, 2007. 352 с.
5. Колосков Е. А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М. : Институт славяноведения РАН. 2013. 276 с.
6. Dimitriadi A. Refugees at the gate of Europe // ELIAMEP. Policy Brief N 112/2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2020/04/Policy-brief-Angeliki-Dimitriadi-final-1.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
7. Kofos E. The Macedonian Issue: Solid arguments, not “blackmail” [Электронный ресурс]. URL: http://www.macedonian-heritage.gr/Opinions/BalkanDevelopments/comm_20050204Kofos.html (дата обращения: 29.03.2021).
8. Kondonis H. Bilateral relations between Greece and the Former Yugoslav Republic of Macedonia // Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis, 1995–2002 / ed. E. Kofos. Athens : Papazisis Publishers, 2003. P. 55–88.
9. Menendez B., Snowe O. Macedonian quandary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2008/sep/24/macedonian-quandary/> (дата обращения: 29.03.2021).
10. Miteva-Kacarski E. Analysis of the Trade Relations between Republic of Macedonia and Republic of Kosovo // Journal of Economics. 2016. Vol. 1. N 1. P. 1–7.
11. Stojanovski S., Marolov D., Ananiev J. Macedonian Question Reframed: Politics, Identity and Culture in Republic of Macedonia // Balkan Social Science Review. 2014. Vol. 4. P. 295–323.
12. Vlasidis V. We and the others: Greece’s image in FYROM’s press and education system (1995–2002) // Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis, 1995–2002 / Ed. Kofos E. Athens : Papazisis Publishers, 2003. P. 253–316.

Об авторе:

Смирнов Петр Александрович, аспирант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ps.mir.nov@ya.ru

References

1. Golovin D. O., Sklyarov S. A. The new Macedonian question: the modern stage of development // International analytics [Mezhdunarodnaya analitika]. 2020. N 11 (2). P. 68–90. (In rus).
2. Guskova E.Yu. Macedonia’s first steps towards independence // Macedonia. Path to autonomy. Documents / ext. edition of E.Yu. Guskova. M.: Rainbow. 1997. P. 81–92. (In rus).

3. Donev J. Crisis in the Republic of Macedonia — crisis of institutions or systems? [Electronic Resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/5/krizis-v-respublike-makedoniya-krizis-institutov-ili-sistemy.html> (date of access: 29.03.2021). (In rus).
4. South-Eastern Europe in an era of radical changes/ed. A. A. Yazkova. M.: The whole world, 2007. 352 p. (In rus).
5. Koloskov E. A. A country without a name: the foreign policy aspect of the formation of the Macedonian state (1991–2001). M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2013. 276 p. (In rus).
6. Dimitriadi A. Refugees at the gate of Europe // ELIAMEP. Policy Brief N 112/2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2020/04/Policy-brief-Angeliki-Dimitriadi-final-1.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
7. Kofos E. The Macedonian Issue: Solid arguments, not “blackmail” [Electronic resource]. URL: http://www.macedonian-heritage.gr/Opinions/BalkanDevelopments/comm_20050204Kofos.html (дата обращения: 29.03.2021).
8. Kondonis H. Bilateral relations between Greece and the Former Yugoslav Republic of Macedonia // Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis, 1995–2002 / ed. E. Kofos. Athens : Papazisis Publishers, 2003. P. 55–88.
9. Menendez B., Snowe O. Macedonian quandary [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2008/sep/24/macedonian-quandary/> (дата обращения: 29.03.2021).
10. Miteva-Kacarski E. Analysis of the Trade Relations between Republic of Macedonia and Republic of Kosovo // Journal of Economics. 2016. Vol. 1. N 1. P. 1–7.
11. Stojanovski S., Marolov D., Ananiev J. Macedonian Question Reframed: Politics, Identity and Culture in Republic of Macedonia // Balkan Social Science Review. 2014. Vol. 4. P. 295–323.
12. Vlasidis V. We and the others: Greece’s image in FYROM’s press and education system (1995–2002) // Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis, 1995–2002 / Ed. Kofos E. Athens : Papazisis Publishers, 2003. P. 253–316.

About the author:

Peter A. Smirnov, Postgraduate Student of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); ps.mir.nov@ya.ru